

Симпосийный формат текстовой культуры¹

Зарапин О.В.

*кандидат философских наук, доцент
Таврическая академия КФУ им. В.И. Вернадского.
(Симферополь, Россия)*

Язык стал главным “действующим лицом” современной философии. Философская мысль и язык связываются в тексте. Философский текст в той мере, в какой он подразумевает коммуникативную ситуацию взаимодействия автора и читателя, не есть адаптированная “поддругого” форма выражения мысли, но способ становления смысла. Каким образом коммуникативная ситуация текста определяет смысл? В разработке данного вопроса уместно обратиться к такому древнему философскому жанру, как жанр «застольной беседы», восходящий к диалогу Платона «Пир» (Συμπόσιον). Плутарх, автор I-II в. н.э., в произведении «Застольные беседы» (Συποσιακά), говорит уже об устоявшейся традиции философских текстов, в которых дана запись бесед, ведущихся на симпосии (с греч. «совместное питье»). Вслед за Платоном Плутарх упоминает Ксенофонта, Аристотеля, Спевсиппа, Эпикура, Притана, Иеронима, Диона Академика [Плутарх, 1990 : 5]. Из этого списка до нас дошли лишь тексты Платона и Ксенофонта. Кроме них сохранились и тексты более поздних авторов: Лукиана Самосатского, Афиней Навкратидского, Макробия.

Важнейшая особенность симпосийного жанра - распределение содержания текста по двум планам. На первом плане отображен симпосий как дружеская встреча пирующих приятелей с подробной характеристикой внешней обстановки; на втором - беседа, где в центре внимания оказывается вопрос или тема, по поводу которой каждый из присутствующих высказывает свое мнение. Как соотносятся симпосий и философский смысл, обнаруживаемый участниками в общении друг с другом? Можно предположить - как внешняя форма и внутреннее содержание диалога. Такая точка зрения, согласно Т.В. Васильевой, соответствует подходу, разработанному в рамках «Тюбингенской революции» в платоноведении [Васильева, 2008 : 507]. Но существуют пределы, ограничивающие тюбингенский подход к прочтению Платона. Еще О.М. Фрейнденберг отмечала (к слову, задолго до появления идей тюбингенской школы) неразрывную связь между конструкцией философского смысла, обнаруживаемого в речах симпосиастов, и обстановкой симпосия, в которой просматривается влияние балаганной культуры «сатурнического мима». Находя в «Пире» явные намеки на сатурналии, исследователь видит в “праздничном смешении площадного и возвышенного” основу конструкции смысла, высказываемого Сократом в речи о двойственной природе Эрота [Фрейнденберг, 1998 : 302].

Эта особенность «Пира» позволяет считать симпосий не только обрамлением самодостаточного философствования, но его неотъемлемой частью, служащей основой всего остального: условием творчества и сохранности философского смысла в качестве коммуникативно-подвижной, диалогически становящейся величины. Вне симпосийной опоры (генетического кода диалога) смысл трансформируется в монологически завершенную картину, превращая диалог в трактат. Эту трансформацию отражают «Римские вопросы» и «Греческие вопросы» Плутарха, где подразумеваемый симпосий взят в скобки, и вместо живой беседы представлен сухой перечень анонимных мнений, каждое из которых «может быть», и все они лишены убедительности личной точки зрения [Плутарх, 1990]. О чем говорит эта трансформация текста и как можно ее интерпретировать? Обстановка симпосия - это форма философствования, проникающая

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации»

непосредственно в само содержание философской мысли и в той мере, в какой эта форма задает конструкцию смысла, ее нельзя отделить и рассматривать как внешнюю.

Если понятие внешней формы здесь не вполне релевантно, то какова его альтернатива? Мы полагаем, что это понятие «формат». Выражение «формат текста» изначально было связано с технологическими особенностями книгопечатания. Сегодня это уже не только технический термин, но и метафора. Понятно и не нуждается в дополнительном разъяснении значение выражения о встрече «в формате без галстуков». И в случае технического термина, и в случае метафоры слышится общий смысл того, что определяет вид печатного текста или характер встречи политических лидеров изнутри самого явления текста и встречи.

Какова роль симпозиального формата в тексте? Во-первых, в самом содержании произведения он отсылает к реальности, служащей источником текста, т.е. формат отражает условие создания текста. Во-вторых, благодаря обстановке симпозиала в тексте воссоздается картина живого общения, где нет места анонимному смыслу. Здесь персонифицируется даже сокровенное знание, озвученное в платоновском «Пире» как речь, услышанная от Диотимы. В-третьих, он определяет коммуникативную ситуацию текста, задавая цели читателя и автора. Бессмысленно, взяв в руки текст симпозиального жанра, читать его в прицеле ответа на вопрос «какое мнение в итоге правильное?» Также и автору, если он захочет изложить некую окончательную истину, формат симпозиала этого не позволит.

При прояснении роли формата возникает вопрос: какое значение и ценность представляет он для текста? Отделив формат от текста в порядке мысленного эксперимента мы получим «сырой» продукт – скорее неопределенный письменный материал, чем текст. Его незавершенность проявляется в отсутствии культурного контекста, дающего ответы на вопросы «кто ты?», «как к тебе обращаться?». Эти ответы подсказываются форматом; если их не слышно – это признак безымянного текста, не имеющего самоопределения. Формат делает текст явлением культуры: он дает «имя» и устанавливает идентичность. Способный ответить на вопросы – откуда? как читать? – текст заявляет о том, какой именно он текст. Чтобы точнее определить раскрываемую форматом сферу идентичности, воспользуемся понятием «текстовая культура», обозначающим совокупность способов получения, хранения и трансляции текстов.

Исследуя на примере жанра «застольных бесед» вопрос о том, каким образом коммуникативная ситуация текста определяет смысл, мы приходим в итоге к ответу – смысл определяется посредством формата текстовой культуры.

Список литературы

- Васильева, 2008 - *Васильева Т.В.* Поэтика античной философии. М.: Академический Проект; Трикста, 2008. 735 с.
- Плутарх, 1990 - *Плутарх.* Застольные беседы. Л.: Наука, 1990. 592 с.
- Фрейденберг, 1998 - *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.